

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.17223/22253513/44/6

Социальный аспект назначения уголовного судопроизводства: к вопросу о пределах его действия

Ирина Георгиевна Смирнова^{1,2}, Елена Викторовна Марковичева³

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета
правосудия, Иркутск, Россия*

³ *Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия*
^{1,2} *smirnova-ig@mail.ru*

³ *markovicheva@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема определения пределов действия назначения уголовного судопроизводства по субъектному составу. Обосновывается тезис о понимании социального назначения уголовного судопроизводства как максимально возможного снижения отрицательных последствий применения уголовной репрессии для личности и предлагается комплекс условий, при соблюдении которых будет обеспечена фактическая реализация назначения уголовного судопроизводства. Одним из таких условий является распространение действия ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на лиц, чьи права и интересы могут быть затронуты в связи с производством по уголовному делу независимо от их процессуального статуса.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, защита прав личности, охрана прав личности, социальное назначение процесса

Для цитирования: Смирнова И.Г., Марковичева Е.В. Социальный аспект назначения уголовного судопроизводства: к вопросу о пределах его действия // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 71–80. doi: 10.17223/22253513/44/6

Original article

doi: 10.17223/22253513/44/6

Social aspect of the purpose of criminal proceedings: to the question of its limits

Irina G. Smirnova^{1,2}, Elena V. Markovicheva³

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Russian State University of Justice (East Siberian Branch), Irkutsk, Russian Federation*

³ *Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation*

^{1,2} *smirnova-ig@mail.ru*

³ *markovicheva@yandex.ru*

Abstract. The purpose of criminal proceedings, regulated by Article 6 of the CPC RF, due to the originality of the legal regulation, is a legal construct which is still controversial among law enforcers and legal scholars alike. It is still not clear how the purpose relates to categories such as the purpose and objectives of criminal proceedings. But more significant is the question of the subjective limits of Article 6 of the CPC RF. Given the mental characteristics of the functioning of Russian society, as well as in the light of paternalistic relations between the Russian state and the individual, the social purpose of criminal proceedings should be understood as the maximum possible reduction of the negative consequences of criminal repression for the individual.

This interpretation of the social purpose of the proceedings may be given statutory expression through the following conditions: normative regulation of the rights of the victim and the person who is the subject of criminal proceedings through the prism of imposing respective obligations on those who are in charge of the criminal case and have authority in the process; extension of Article 6 of the CPC RF to persons whose rights and interests may be affected by the proceedings in a criminal case, irrespective of their procedural status; Expanding the scope of the purpose of criminal proceedings by placing obligations on public authorities and their officials to protect not only the rights and legitimate interests of the individual, but also the rights and legitimate interests of the individual.

Expanded application of Article 6 of the CPC RF ensures social value of the criminal process if we move from narrowly procedural to a broader understanding of the functions of the criminal process that ensure both the purpose and implementation of socially important objectives related, among other things, to ensuring access to justice and judicial protection. Until amendments and additions are made to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the solution is seen in the active application of analogy, which is due to the need to perform law enforcement operations in criminal proceedings. The Russian law of criminal procedure does not prohibit the analogy of the law, but also does not indicate in any way the possibility and procedure for its application. However, decisions of the highest courts indicate at least recognition of this category in relation to criminal proceedings. In particular, the analogy is mentioned in the following acts of judicial authorities: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.12.2021 № 53-P "On the case of checking the constitutionality of Articles 416 and 417 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakov", Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2015 № 29 "On the practice of the courts of law, providing the right to protection in criminal proceedings" and others.

Keywords: purpose of criminal proceedings, protection of individual rights, protection of individual rights, social purpose of the process

For citation: Smirnova, I.G. & Markovicheva, E.V. (2022) Social aspect of the purpose of criminal proceedings: to the question of its limits *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 44. pp. 71–80. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/44/6

В свете последних событий, происходящих на мировой политической арене, на одно из первых мест в политике, экономике, науке, праве выходят проблемы безопасности, а правовая защита интересов личности, общества и государства выступает вектором, определяющим стратегию развития различных отраслей права. В этой связи совершенно прав С.С. Босхолов, подчеркивающий, что безопасность является основным критерием, обеспечивающим гарантии личных, естественных и неотчуждаемых прав и свобод, а также национальные интересы государства и общества в различных сферах [1. С. 10]. В узком смысле безопасность может рассматриваться как безопасность личности, ее прав, свобод и законных интересов, что в правовом отношении означает обеспечение реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина [1. С. 11–12]. Полагаем, что именно в таком аспекте представлено назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)).

Как известно, уголовно-процессуальная деятельность – это сфера государственной деятельности, отличающаяся наиболее высоким уровнем принуждения, поэтому при производстве по уголовному делу крайне важно обеспечить защиту частных интересов. Примечательно и то, что сфера правовой защиты таких интересов не может и не должна ограничиваться исключительно кругом участников производства по уголовному делу, поскольку действия (бездействие) и решения публичных субъектов уголовного судопроизводства могут нести риски нарушения прав более широкого круга лиц.

Следует признать, что назначению как уголовно-процессуальному понятию учеными уделено достаточно внимания. Изучению и оценке подвергалось его этимологическое значение [2. С. 29–30], соотношение назначения с такими категориями, как цель, задачи, целеполагание уголовного судопроизводства [3. С. 169–341; 4. С. 105–132; 5. С. 144–151], значение данного понятия применительно к отдельным процессуальным категориям, таким, например, как права человека, истина [6. С. 119–124]. Не остались в стороне вопросы определения назначения и применительно к отдельным этапам уголовного судопроизводства [7. С. 8–21; 8. С. 31–35].

Вместе с тем многие исследователи единодушны в утверждении относительно некорректности существующей в ст. 6 УПК РФ формулировки назначения уголовного судопроизводства и ее содержания. На протяжении 20 лет действия российского уголовно-процессуального закона неоднократно высказывались суждения относительно того, что введение анализируемого

понятия «намного усложнило разрешение проблемы целеполагания уголовно-процессуальной деятельности и ее правоотношений» [9. С. 56].

Так, оценивая трактовку содержания ст. 6 УПК РФ, Ю.В. Козубенко справедливо проводит аналогию с общеизвестным выражением: «Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного» [10. С. 80] и указывает на однобокость и незавершенность отраженной в ст. 6 УПК РФ позиции законодателя. Мы солидарны с предложенным обоснованием такого подхода. Во-первых, действительно, приоритет защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, имеющих в деле самостоятельный правовой интерес, является очевидным перед обязанностями лиц, в производстве которых находится уголовное дело. Во-вторых, такой эгоцентричный подход в урегулировании назначения не вписывается в российскую ментальность с патерналистским характером взаимоотношений личности и государства в лице его властных структур. По этому поводу Н.С. Манова обоснованно отмечает, что «уголовный процесс всегда был и остается узаконенным способом (средством) борьбы с преступностью и осуществления правосудия по уголовным делам» [11. С. 88]. Очевидно, что в рамках уголовного судопроизводства должно достигаться определенное равновесие между частными и публичными интересами, а защита прав личности не исключает скорейшее разрешение уголовного дела по существу с решением вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности или освобождении невиновного от нее и реабилитации его в связи с незаконным уголовным преследованием. Не случайно Конституционный Суд РФ в одном из своих решений, толкуя норму, закрепленную в ст. 6 УПК РФ, указал, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере, согласно данной статьи, отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию»¹.

Можно достаточно долго рассуждать об исторической, аксиологической, социальной обусловленности существования уголовного процесса. Но есть еще один вопрос, который во всех указанных ракурсах имеет достаточно важное значение. Это *субъектные пределы действия ст. 6 УПК РФ*. Исследуя процессуальную форму применения уголовного закона, К.В. Муравьев обратил внимание на то, что в УПК РФ закрепляется социальное назначение уголовного судопроизводства с приоритетом защиты прав личности [12. С. 110]. Однако вопрос о круге субъектов, на которых действие данной нормы должно распространяться, а также о пределах такого действия остается открытым.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 26. Ст. 5043.

В свое время И.Б. Михайловская совершенно обоснованно подчеркнула, что социальное назначение уголовного судопроизводства заключается в максимально возможном снижении отрицательных последствий применения уголовной репрессии [13. С. 35–36].

Как закреплено в ст. 6 УПК РФ, назначение уголовного судопроизводства является двуединым:

- защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В этой связи уместно обратиться к некоторым правовым позициям судебных органов. Так, в 2008 г. Конституционный Суд РФ разрешил сомнение в конституционности нормы ст. 82 УПК РФ, которая предусматривает, что вещественные доказательства в виде предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, могут быть переданы для реализации на основании постановления дознавателя, следователя или судьи. Причиной спора стала реализация двух вертолетов марки «BELL 407», перемещенных через таможенную границу Российской Федерации и признанных вещественными доказательствами по возбужденному по ст. 188 УК РФ уголовному делу. Как вещественные доказательства вертолеты были переданы на ответственное хранение уполномоченным организациям Российского фонда федерального имущества, а в последующем – на реализацию в Российский фонд федерального имущества. По мнению заявителя, обратившегося в Конституционный Суд РФ, такие действия существенно затрагивают право частной собственности, относящееся к основным правам, неотчуждаемое и принадлежащее человеку от рождения.

Рассмотрев все доводы сторон, Конституционный Суд РФ вполне обоснованно принял решение о признании оспариваемых положений пп. «в» п. 1 ч. 2 и ч. 4 ст. 82 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ, как позволяющие лишать собственника или законного владельца его имущества, признанного вещественным доказательством, без вступившего в законную силу приговора, которым решается вопрос об этом имуществе как вещественном доказательстве, либо до вступления в силу судебного решения в порядке гражданского судопроизводства, если имеется спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством¹.

Не меньший интерес в свете рассматриваемой проблемы имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г., в котором дана оценка конституционности ч. 9 ст. 115 УПК РФ, допускавшей применение такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на иму-

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2008 № 9-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3695.

щество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и тогда, когда предварительное следствие приостанавливается¹. Данным постановлением Конституционный Суд также оценивал с точки зрения соответствия Конституции РФ ч. 3 ст. 115 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в свете (не)возможности наложения ареста на имущество должника, в отношении которого введена процедура конкурсного производства, либо сохранения после введения конкурсной процедуры ранее наложенного в рамках уголовного судопроизводства ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в отношении отдельных лиц, являющихся конкурсными кредиторами.

Как видим, даже эти небольшие примеры указывают на то, что в рамках производства по уголовному делу особую важность с точки зрения защиты представляют не только права участников уголовного судопроизводства, но и лиц, не обладающих соответствующим процессуальным статусом. Более того, указанные примеры свидетельствуют не только о том, что в рамках производства по уголовному делу реализуется правозащитное направление деятельности участников процесса, наделенных властными функциями, но и правоохранительное.

И хотя И.Б. Михайловская утверждала, что трактовка социальной цели процесса как максимально возможного снижения отрицательных последствий применения уголовной репрессии вряд ли может быть переведена на язык закона [13. С. 35], полагаем, что данный подход может быть урегулирован через призму ст. 6 УПК РФ посредством выполнения следующих условий:

- нормативное урегулирование назначения уголовного судопроизводства в свете защиты прав потерпевшего и лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, через призму возложения соответствующих обязанностей на участников уголовного судопроизводства, в производстве которых находится уголовное дело и наделенных властными функциями в процессе;

- распространение действия ст. 6 УПК РФ на лиц, чьи права и интересы могут быть затронуты в связи с производством по уголовному делу независимо от их процессуального статуса;

- расширение сферы действия назначения уголовного судопроизводства посредством возложения обязанностей на государственные органы и их должностные лица осуществлять не только защиту, но и охрану прав и законных интересов личности.

¹ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой ст. 115, п. 2 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 6. Ст. 897.

До внесения изменений и дополнений в УПК РФ решение видится в активном применении аналогии, которая обусловлена необходимостью выполнения «правовосполнительных операций в уголовном судопроизводстве» [10. С. 76]. Традиционно правила применения аналогии уголовно-процессуального закона образуют требования о схожести общественных отношений, невозможность ограничения действия принципов уголовного судопроизводства, запрет применения порядка производства, не предусмотренного законом. Иными словами, речь идет о возможности распространения уголовно-процессуальной формы на схожую группу уголовно-процессуальных отношений, где одним из критериев выступает принцип уголовного судопроизводства. Однако проблематика применения аналогии закона в уголовном процессе относится к числу недостаточно исследованных. Обычно осторожное отношение к возможности применения аналогии в уголовном процессе связывают с отсутствием таковой в материальном, т.е. уголовном праве [14].

Российское уголовно-процессуальное законодательство не запрещает аналогии закона, но и никоим образом не указывает на возможность и порядок ее применения. Однако решения высших судебных инстанций свидетельствуют как минимум о признании данной категории применительно к уголовному судопроизводству. Например, в одном из постановлений 2021 г. Конституционный Суд РФ прямо указывает на то, что «использование приведенной аналогии закона не расходится с принципиальным разграничением полномочий суда и прокуратуры в уголовном процессе»¹.

В разъяснениях, которые дает Верховный Суд РФ в постановлениях Пленума, нередко используется понятие «аналогично» и дается толкование уголовно-процессуальных норм, позволяющее фактически применять аналогии закона. Например, ст. 16 УПК РФ в качестве принципа закрепляет обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту. В пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» действие данного принципа предлагается распространить на более широкий круг лиц: подсудимого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера и т.д.² Таким образом Верховный Суд РФ считает, что действие данного принципа должно распространяться на всех лиц, в отношении которых осуществлялось или осуществляется уголовное преследование. Ука-

¹ По делу о проверке конституционности ст. 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.2021 № 53-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. II). Ст. 9315.

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Российская газета. 10.07.2015. № 150.

зания на обоснованное применение аналогии закона по конкретному уголовному делу можно обнаружить и в решениях судов кассационной инстанции. Так, в одном из своих решений Первый кассационный суд общей юрисдикции указал на законность применения аналогии закона для защиты прав реабилитированного лица¹.

На основании вышеизложенного полагаем возможным распространить действие ст. 6 УПК РФ на тех лиц, кто не наделен самостоятельным процессуальным статусом, но в соответствии с п. 58 ст. 5 УПК РФ является участником уголовного судопроизводства, поскольку «принимает участие в уголовном процессе». Такой подход является оправданным, более того, конструкция отдельных уголовно-процессуальных норм подтверждает возможность широкого толкования субъектного состава лиц, подпадающих под обобщенную правовую защиту, гарантированную ст. 6 УПК РФ. В частности, такой вывод напрашивается из анализа круга лиц, наделенных правом апелляционного обжалования в уголовном процессе. Расширенное применение положений ст. 6 УПК РФ обеспечивает и ту самую социальную ценность уголовного процесса при условии, если мы перейдем от узкопроцессуального к более широкому пониманию функций уголовного процесса, обеспечивающих как достижение назначения, так и реализацию социально значимых задач, связанных в числе прочего с обеспечением доступности правосудия и судебной защиты.

Список источников

1. Босхолов С.С. Национальная безопасность России: теоретико-правовой и прикладной аспекты. М. : Проспект, 2021. 456 с.
2. Принципы современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смолькова ; отв. ред. Р.В. Мазюк. М. : Юрлитинформ, 2015. 384 с.
3. Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 547 с.
4. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2012. 517 с.
5. Козьявин А.А. Основы теории социального назначения и функций уголовного процесса : учеб. пособие. Курск : Юго-Зап. ун-т, 2013. 316 с.
6. Козьявин А.А. Гарантии прав личности в уголовном процессе : учеб. пособие. Курск : Юго-Зап. ун-т, 2013. 341 с.
7. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М. : Норма, 2021. 408 с.
8. Бурмагин С.В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе : учеб. пособие. М. : Проспект, 2016. 304 с.
9. Вандышев В.В. Некоторые суждения о назначении, целях и задачах отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 4 (17). С. 56–60.
10. Уголовный процесс : учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М. : Норма : Инфра-М, 2022. 888 с.

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2021 по делу № 88-3268/2021, 88-32152/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Манова Н.С. Цели (назначение) российского уголовного судопроизводства и средства их достижения // Правовые институты и методы обеспечения экологической и природоресурсной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство, социальная и экологическая эффективность : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов : сб. науч. ст. Саратов, 11 октября 2019 года / под ред. Н.Т. Разгелдеева. Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 87–90.

12. Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона. М. : Проспект, 2019. 264 с.

13. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М. : ТК Велби: Проспект, 2003. 144 с.

14. Францифоров Ю.В., Овчинникова Н.О. Аналогия закона и аналогия права в российском уголовном процессе как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15, № 1 (30). С. 156–166.

References

1. Boskholov, S.S. (2021) *Natsional'naya bezopasnost' Rossii: teoretiko-pravovoy i prikladnoy aspekty* [National security of Russia: theoretical-legal and applied aspects]. Moscow: Prospekt.

2. Mazyuk, R.V. (ed.) (2015) *Printsipy sovremennogo rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Principles of modern Russian criminal justice]. Moscow: YurLitinform.

3. Azarenok, N.V. (2021) *Kontseptsiya sovershenstvovaniya rossiyskogo ugolovnogo protsesssa v ramkakh ego istoricheskoy formy* [The concept of improving the Russian criminal process within its historical form]. Law Dr. Diss. Ekaterinburg.

4. Smirnova, I.G. (2012) *Sotsial'naya tsennost' rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Social value of Russian criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Tomsk.

5. Kozyavin, A.A. (2013a) *Osnovy teorii sotsial'nogo naznacheniya i funktsiy ugolovnogo protsesssa* [Fundamentals of the theory of social purpose and functions of the criminal process]. Kursk: The Southwest State University.

6. Kozyavin, A.A. (2013b) *Garantii prav lichnosti v ugolovnom protsesse* [Guarantees of the rights of the individual in the criminal process]. Kursk: The Southwest State University.

7. Rossinskiy, S.B. (2021) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence]. Moscow: Norma.

8. Burmagin, S.V. (2016) *Status i deyatelnost' suda v ugolovnom protsesse* [The status and activities of the court in the criminal process]. Moscow: Prospekt.

9. Vandyshev, V.V. (2012) *Nekotorye suzheniya o naznacheni, tselyakh i zadachakh otechestvennogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Some thoughts about the purpose, goals and objectives of domestic criminal justice]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*. 4(17). pp. 56–60.

10. Proshlyakov, A.D., Balakshin, V.S. & Kozubenko, Yu.V. (eds) (2022) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Process]. Moscow: Norma; Infra-M.

11. Manova, N.S. (2019) *Tseli (naznacheniye) rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva i sredstva ikh dostizheniya* [Goals (purpose) of Russian criminal justice and means of achieving them]. In: Razgeldeev, N.T. (ed.) *Pravovye instituty i metody obespecheniya ekologicheskoy i prirodoresursnoy bezopasnosti v Rossii, stranakh SNG i Evropeyskogo soyuza: zakonodatel'stvo, sotsial'naya i ekologicheskaya effektivnost'* [Legal institutions and methods for ensuring environmental and natural resource security in Russia, the CIS countries and the European Union: legislation, social and environmental efficiency]. Saratov: Saratovskiy istochnik. pp. 87–90.

12. Muraviev, K.V. (2019) *Optimizatsiya protsessual'noy formy primeneniya ugovnogo zakona* [Optimization of the procedural form of criminal law application]. Moscow: Prospekt.

13. Mikhaylovskaya, I.B. (2003) *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessual'naya forma)* [Goals, functions and principles of Russian criminal proceedings (a criminal procedural form)]. Moscow: TK Velbi, Prospekt.

14. Frantsiforov, Yu.V. & Ovchinnikova, N.O. (2016) *Analogiya zakona i analogiya prava v rossiyskom ugovnom protsesse kak sposob preodoleniya probelov v ugovno-protsessual'nom prave* [Analogy of law and analogy of right in the Russian criminal process as a way to overcome gaps in criminal procedure law]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*. 1(30). pp. 156–166.

Информация об авторах:

Смирнова И.Г. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Иркутск, Россия). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

Марковичева Е.В. – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия). E-mail: markovicheva@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.G. Smirnova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Russian State University of Justice (East Siberian Branch) (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

E.V. Markovicheva, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: markovicheva@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 17.05.2022.*

*The article was submitted 14.12.2021;
approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 17.05.2022.*